

ТЕМА НОМЕРА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПЛАНИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.2

EDN: RTVABQ

Между публичной риторикой и родительским прагматизмом: экспертный взгляд на будущее родных языков Кабардино-Балкарии

Ссылка для цитирования: Кумыков А. М., Тумов А. А. Между публичной риторикой и родительским прагматизмом: экспертный взгляд на будущее родных языков Кабардино-Балкарии // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 14–39. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.2; EDN: RTVABQ.

For citation: Kumykov A. M., Tumov A. A. Between public rhetoric and parental pragmatism: An expert perspective on the future of the native languages of Kabardino-Balkaria. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 14–39. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.2; EDN: RTVABQ.

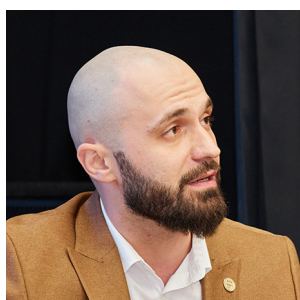

SPIN-код: 2106-6626

Кумыков Ауес Мухамедович¹

¹Северо-Кавказский филиал ФНИСЦ РАН,
Нальчик, Россия

auyes.kumykov@mail.ru

SPIN-код: 8681-8480

Тумов Аскер Асланбекович¹

¹Северо-Кавказский филиал ФНИСЦ РАН,
Нальчик, Россия

tumovasker@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется трансформация социальных функций кабардинского и балкарского языков в современной Кабардино-Балкарской Республике в условиях урбанизации, цифровизации, изменения образовательной политики и расширения туристической индустрии. Цель исследования состоит в выявлении механизмов языкового сдвига и проверке гипотезы о переходе родных языков от роли повседневного средства коммуникации и «основания культуры» к преимущественно символическим, ритуальным, инструментальным и коммерциализированным формам использования. Теоретическую рамку исследования составляют концепции коммодификации языка, поствернакулярности и этнолингвистической инфузии, позволяющие рассматривать сокращение повседневного употребления языка не только как его «утрату», но и как изменение набора выполняемых им социальных функций.

Эмпирическую основу статьи составили материалы качественного экспертного опроса семи региональных исследователей, филологов, работников культуры и языковых активистов, проведенного в апреле 2026 г. Анкета включала 13 открытых вопросов, посвященных динамике языковой ситуации, семейной трансмиссии, межпоколенческому разрыву, домашнему фольклору, цифровой среде, туризму, урбанизации, роли школы и общественных инициатив, а также прогнозам и исследовательским лакунам. Полученные ответы анализировались методом тематического кодирования и сравнительного сопоставления экспертных позиций.

Результаты показывают высокий уровень согласия экспертов относительно сокращения использования кабардинского и балкарского языков в семейно-бытовой сфере и ослабления их межпоколенческой передачи. Молодые родители все чаще выбирают русский язык как более функциональный ресурс образования, социальной мобильности и профессиональных перспектив; одновременно исчезают традиционные формы домашнего фольклора, а родной язык все заметнее перемещается в ритуальные, образовательные, цифровые и туристические контексты. При этом эксперты по-разному оценивают глубину происходящего сдвига: наряду с интерпретацией языка как декоративного «спектакля» фиксируются сохраняющиеся живые языковые ниши и новые формы символического использования, способные поддерживать этническую идентичность даже при неполном владении языком.

Выявлен центральный парадокс современной языковой ситуации: усиление публичной риторики о необходимости сохранения родных языков не сопровождается восстановлением их повседневной востребованности. Этот разрыв поддерживается сочетанием урбанизации, отсутствия экономических стимулов к использованию языков, ограниченных возможностей школы и институциональных последствий перехода к принципу добровольного изучения родных языков. При этом отдельные цифровые, образовательные и культурные инициативы демонстрируют способность формировать новые сферы использования языка, однако их локальный и нередко проектный характер пока не позволяет изменить общий вектор языкового сдвига. Делается вывод, что перспективы кабардинского и балкарского языков следует анализировать не только в категориях сохранения или исчезновения, но и через изучение поствернакулярных практик, стратегий семейной языковой политики и поведения «новых носителей». Ограниченность экспертной выборки требует дальнейших исследований с участием молодых родителей, молодежи и других групп, непосредственно формирующих повседневную языковую среду.

Ключевые слова: социоллингвистика, миноритарные языки, кабардинский язык, балкарский язык, коммодификация языка, поствернакулярность, языковой сдвиг

Введение и теоретическая основа исследования

Современная социолингвистика и лингвистическая антропология переживают фундаментальный методологический сдвиг в подходах к изучению миноритарных языков. Трансформация глобальной экономики, урбанизация, цифровизация и развитие индустрии туризма обусловили необходимость пересмотреть классические парадигмы, фокусирующиеся исключительно на политических правах меньшинств и концепциях национально-государственного строительства. Сегодня на смену им приходят аналитические подходы, рассматривающие язык через призму политической экономики, где лингвистические ресурсы функционируют как измеримые навыки, маркеры аутентичности и экономические активы в ситуации позднего капитализма.

Теория коммодификации языка, представленная, в частности, в трудах М. Хеллер, описывает фундаментальный сдвиг в социолингвистике, при котором язык начинает функционировать не только в качестве средства коммуникации, но также измеримого экономического ресурса в условиях глобализации. В рамках предложенной М. Хеллер концепции «гордости и прибыли» миноритарные языки трактуются как символический капитал, который может быть конвертирован в капитал экономический. Этот процесс особенно заметен в индустрии туризма, маркетинге и сфере услуг, где этнический язык превращается в рыночный товар, продающий «аутентичность» внешнему потребителю, что знаменует радикальный переход от сугубо политических или образовательных контекстов сохранения языка к рыночным [5; 6].

С изменением функций языка также тесно связано понятие поствернакулярности (*postvernacularity*), введенное Д. Шендлером. В поствернакулярном состоянии вторичные (символические и аффективные) функции языка начинают преобладать над его прямой коммуникативной (семиотической) ролью. Суть данного явления заключается в том, что сам факт использования миноритарного языка оказывается важнее передаваемого посредством него семантического смысла, из-за чего приоритет формы над содержанием превращает язык в эстетический маркер, подобный музыке. Поствернакулярное использование носит преднамеренный, перформативный характер и служит целям конструирования идентичности даже в тех случаях, когда говорящие уже утратили свободное владение языком в повседневной жизни [2; 3; 4; 10].

Процессы коммодификации и поствернакулярности находят свое визуальное и пространственное воплощение в формировании специфических лингвистических ландшафтов (*linguistic landscapes*). Развитие индустрии туризма в районах проживания национальных меньшинств приводит к возникновению явления, которое исследователи называют созданием «псевдоязыкового ландшафта как спектакля» [11]. В условиях туризма наследия и туристской джентрификации миноритарные языки используются для эстетизации пространства: соответствующие шрифты, надписи и вывески призваны рождать у приезжих ощущение экзотики и аутентич-

ности [9]. Однако, как показывают критические исследования сельских дестинаций в Китае (например, деревни Хунцунь или Тибетской Лхасы), подобная репрезентация часто не отражает текущих нужд местного населения, вследствие чего формируется разрыв: фасады зданий и меню ресторанов оформляются на этническом языке для обслуживания туристов, а тем временем местные жители в повседневном общении стремительно переходят на доминирующий язык или сталкиваются с вытеснением из-за коммерциализации их жизненного пространства [7; 8]. Язык, по сути, превращается в театральную декорацию, часть глобального спектакля потребления, где символическая стоимость лингвистического ресурса полностью подчинена запросам внешнего рынка.

Толчком к проведению настоящего исследования послужила гипотеза о фундаментальной трансформации функций миноритарных языков (кабардинского и балкарского) в Кабардино-Балкарской Республике (КБР), в ходе которой они утрачивают статус повседневного «основания культуры» и переходят в категорию утилитарного инструмента или перформативного «спектакля». Данный сдвиг, характеризующийся сохранением упомянутых языков преимущественно в образовательной и ритуальной сферах, а также в индустрии гостеприимства при их одновременном вытеснении из внутрисемейной коммуникации, концептуально резонирует с теориями коммодификации языка и поствернакулярности. В условиях объективного дефицита релевантных количественных данных для проверки высказанной гипотезы был проведен качественный экспертный опрос ведущих региональных филологов и языковых активистов на предмет выявления того, как современная динамика кабардинского и балкарского языков осмысливается внутри профессионального сообщества, в какой мере оценки его представителей подтверждают, нюансируют или опровергают исходный тезис о языке-спектакле и какие ключевые противоречия фиксируются в экспертном дискурсе.

Методологическая и эмпирическая база исследования

Выбор в пользу качественной стратегии и метода экспертного опроса был обусловлен характером исследовательской задачи: выяснить, как представители профессионального сообщества осмысливают текущий языковой сдвиг. Кроме того, экспертный опрос позволяет получить аналитически насыщенные суждения, опирающиеся на многолетний опыт наблюдения, преподавания и общественной деятельности.

В состав опрошенных вошли семь человек – исследователи, специалисты по кабардино-черкесскому и карачаево-балкарскому языкам, а также общественные деятели, непосредственно вовлеченные в языковое активистское поле КБР (см. Приложение). Отбор участников осуществлялся целенаправленно по двум критериям: а) наличие профессиональной компетенции в области изучения или преподавания языков народов КБР и б) включенность в общественную дискуссию о сохранении языков. Среди

принявших участие в опросе присутствуют сторонники различных мнений, по-разному оценивающие текущую ситуацию, что позволило получить объемную, внутренне полемичную картину.

Опрос велся по авторской анкете, которая включала 13 открытых вопросов, сгруппированных в несколько тематических блоков: 1) общая динамика языковой ситуации и оценка тезиса о «языке-спектакле»; 2) мотивы родительского выбора и межпоколенческий разрыв; 3) судьба домашнего фольклора и влияние цифровой среды; 4) воздействие туризма и урбанизации на функции родного языка; 5) противоречие между публичной риторикой престижа и экономическими/повседневными практиками, а также роль институтов (школы, семьи, НКО, медиа); 6) прогнозы на ближайшие 20–30 лет и исследовательские лакуны. Часть вопросов носила оценочный характер (например, «Согласны ли вы с тезисом...»), часть – фактологический, отсылающий к личному опыту эксперта («Приведите конкретные примеры»). Анкета распространялась в электронном виде и заполнялась экспертами письменно, что обеспечило высокую степень развернутости и продуманности ответов. Средний объем ответа от одного эксперта составил несколько страниц текста, что приближает полученный материал к жанру письменного глубинного интервью.

Сбор данных осуществлялся в апреле 2026 г. Каждому эксперту направлялся файл с анкетой и кратким описанием исследовательского проекта. Участие в опросе было добровольным и не предполагало вознаграждения. Экспертов не ограничивали во времени и объеме ответов. Полученные тексты не подвергались редакторской правке, за исключением минимальной технической корректировки (устранение опечаток и приведение пунктуации к современным нормам русского языка).

Анализ полученных данных проводился методом тематического кодирования с элементами сравнительного анализа. На первом этапе все анкеты были прочитаны целиком в целях формирования общего представления о позиции каждого эксперта. На втором – ответы были разнесены по тематическим блокам, соответствующим логике анкеты, что позволило сопоставить позиции разных экспертов по каждому из вопросов. На третьем – внутри каждого блока были выделены консенсусные и полемические линии (темы, по которым эксперты сходятся или, наоборот, расходятся), а также определены опорные цитаты, наиболее ярко и емко выражающие ту или иную позицию.

Авторы исследования отдают себе отчет в том, что выборка, состоящая исключительно из филологов и языковых активистов, имеет свою специфику: эти люди профессионально и личностно ангажированы в проблематику языкового сдвига, что делает их оценки особенно компетентными и в то же время может смещать фокус в сторону более острого переживания утраты языка, нежели это свойственно массовым носителям. Данное ограничение компенсируется глубиной и концептуальной плотностью полученного материала, позволяющего очертить направление дальнейших исследований, в которых экспертный взгляд будет дополнен

голосами молодых родителей, старшеклассников, работников туристической сферы и представителей иных групп, непосредственно формирующих языковой ландшафт повседневности.

Результаты: экспертные оценки по основным тематическим блокам анкеты

Основной сдвиг и статус родного языка. Первые два вопроса анкеты – о главном векторе языковой динамики за последние 10–15 лет и тезисе, согласно которому родной язык перестает быть «основанием культуры» и приобретает черты инструмента или спектакля, – задали тон всей экспертной дискуссии. Ответы показали, с одной стороны, высокий уровень консенсуса по поводу ослабления позиций кабардинского и балкарского языков в семейно-бытовой сфере, а с другой – заметное расхождение в интерпретации того, чем именно становится язык в новой конфигурации.

«Уход» из семьи и снижение статуса. Практически все эксперты признают, что за последние полтора десятилетия родные языки уступили свои позиции русскому как в публичной, так и в приватной сфере. Наиболее жесткую оценку происходящему дал эксперт № 1: *«Родные языки... „ушли“ в прямом смысле слова из семейного общения, из семейного воспитания. Родители идут на это сознательно: не видят перспективы в социализации, карьерном росте»*. Схожую позицию занимает и эксперт № 5: *«Статус родного языка по сравнению с русским в обществе и в семье ушел на второй план. Приоритет отдается изучению других языков, родной язык во многих семьях не рассматривается как необходимость не только изучения, но и как средство коммуникации»*. Эксперт № 6 добавляет важный штрих, показывая, что обсуждаемая тенденция не столько нова, сколько усугублена отсутствием целенаправленной политики: *«Языковая ситуация пущена на самотек. Отсутствует системность в ее „выправлении“*. В статусе родного языка в семье и обществе особо ничего не изменилось».

В отличие от своих коллег, эксперт № 3 делает акцент на внутренней противоречивости картины: *«С одной стороны, на законодательном уровне он [родной язык] приобрел статус государственного... С другой стороны, глобализационные процессы... сужают этническое ядро, являющееся носителем как живого повседневного, так и литературного родного языка»*. Иными словами, формальный статус родных языков вроде бы повысился, но это не предотвратило сужения пространства их реального использования.

Язык-спектакль: зона согласия. Тезис о дрейфе языка от «основания культуры» к «инструменту» или «спектаклю» получил поддержку большинства экспертов, хотя и с разной степенью уверенности. Наиболее прямо выразил свою позицию эксперт № 1: *«Родные языки преимущественно используются как фрагмент „спектакля“ в свадебном обряде, потому что песенное творчество стало выгодным в экономическом плане»*.

В подобной трактовке «спектакль» обретает рыночное измерение: язык востребован ровно настолько, насколько он «продается» в формате национального колорита. Эксперт № 2 прибегает к аналогичному аргументу: *«Использование родного языка может приобретать ритуальный характер (например, национальные праздники, выступления фольклорных ансамблей) или становиться элементом этнической идентификации, но не всегда является основным инструментом повседневного общения, особенно в молодых семьях»*. Эксперт № 6 высказался более сдержанно, но в целом его мнение совпадает с приведенными выше: *«В целом согласен. В этом отношении можно говорить о массовых мероприятиях, приуроченных к памятным датам и событиям»*. Однако, как заметил эксперт № 5, даже в, казалось бы, традиционных контекстах полноценная коммуникация на родном языке постепенно сворачивается: *«Уровень владения родным языком больше похож на имитацию его знания... Редкое предложение произносится полностью на родном языке даже за свадебным столом, где сидят старшие»*.

Сопротивление тезису и оговорки. Вместе с тем часть экспертов отказалась признать тезис о «спектакле» универсальным. Эксперт № 3 считает, что многое зависит от места и ситуации, в которой происходит коммуникация: *«Не вполне с этим можно согласиться. Если коммуникация происходит в моноэтнической среде, родной язык продолжает оставаться „основанием культуры“, особенно если мы говорим о сельских поселениях»*. Эксперт № 7 выдвинул иной контраргумент, апеллирующий к живой функциональности обрядов: *«Кабардинская свадьба всегда была и остается больше, чем семейное торжество, где каждый этап несет смысловую нагрузку, укорененную в „адыгэ хабзэ“...¹ Я воспринимаю обычаи и традиции в адаптации с современными условиями жизни»*. Для эксперта № 7 сохранение ритуала, даже в измененном виде, не тождественно спектаклю, а представляет собой адаптированное, но все же культурное воспроизводство.

Наиболее аналитически отстраненную позицию заняла эксперт № 4: *«Частично согласна. В ряде ситуаций родной язык действительно перестает быть глубинным „основанием культуры“ и используется инструментально или декоративно. Но это не всеобщая тенденция: во многих сферах язык сохраняет свою культуuroобразующую функцию»*. К таким сферам эксперт относит, с одной стороны, профессиональную коммуникацию и деловую переписку, а с другой – художественную литературу и семейное общение «с бабушками», где язык остается носителем эстетики и ценностей.

Промежуточный итог. Эксперты фиксируют двойственный характер наблюдаемых процессов: при объективном сокращении бытовой передачи и повседневного использования родных языков происходит их символическое «раздувание» в ритуальных точках. Расхождения во мнениях

¹ «Адыгэ хабзэ» – традиционный морально-правовой и этический кодекс адыгов (черкесов), в устной форме регулирующий едва ли не все сферы их жизни: от повседневного быта и воспитания детей до дипломатии.

касаются не самого факта сдвига, а его глубины и необратимости: одни эксперты видят в нем превращение языка в чистую декорацию, другие – сохранение пусть и сужающихся, но живых социальных ниш.

Прагматика родительского выбора и разрыв поколений. Вопросы 3 и 4 анкеты – о том, как молодые родители объясняют выбор языка общения с детьми и как выглядит типичная ситуация межпоколенческого разрыва, – переводят разговор с макро- (статус языка) на микроуровень повседневных практик и семейных взаимодействий. Согласно единодушному мнению экспертов именно на этом уровне происходит решающий слом в передаче языка. Ответы демонстрируют сложное переплетение прагматических расчетов, идеологических оправданий и внутренних противоречий, в которых сами родители часто не отдают себе отчета.

Мотивы родителей: прагматизм или оправдание? Базовая аргументация, которую эксперты фиксируют у родителей 30–40 лет, – экономико-образовательный прагматизм. Эксперт № 2 излагает ее максимально нейтрально: *«Чаще всего молодые родители выбирают русский язык для общения с детьми, мотивируя это его „практичностью“ и „перспективами“: лучший доступ к качественному образованию, широкие возможности трудоустройства»*. В свою очередь эксперт № 1 высказывается более эмоционально: *«Молодые родители не видят перспективы в родных языках; такие понятия, как земля предков, материнский язык, имеют символический характер. Молодежь уезжает за „лучшей“ жизнью, чувство патриотизма вымывается»*. Прагматичный выбор видится ей маркером глубинного ценностного сдвига: язык предков отступает не только перед карьерными соображениями, но и перед ослаблением территориальной и эмоциональной привязанности.

Впрочем, не все эксперты склонны трактовать риторику родителей как прагматическую. *«Никаких прагматических мотивов нет, – считает эксперт № 5, – есть только фразы для оправдания своих детей, которых вместо уроков родного языка они же сами отправляют в русскоязычную группу или на русский язык»*. Для него ссылки на «перспективы» всего лишь рационализация постфактум, прикрывающая нежелание или неспособность семьи создать соответствующую языковую среду. Показательно, что этот скепсис исходит от человека, работающего со студентами и видящего результаты такого выбора.

На фоне приведенных выше мнений контрастным оказывается личный пример эксперта № 7, демонстрирующий возможность иной стратегии: не выбирать какой-либо один язык, а сознательно создать пространство многоязычия в общении с младшим поколением: *«У нас в семье за столом, когда все вместе, принято говорить на кабардинском... Появился зять... [и] родители решили, что каждый будет говорить на своем плюс русский, арабский и английский... Сегодня (ей два с половиной годика) она [внучка] отвечает на языке спросившего»*. Данный кейс важен не как статистическая норма (сам эксперт подает его в качестве исключения), а как указание на то, что прагматическая аргументация в пользу русского не является

безальтернативной и отражает скорее сложившиеся семейные привычки в купе с отсутствием языковой политики на микроуровне, чем объективную невозможность совмещать языки.

Межпоколенческий разрыв: норма и исключения. Если касательно мотивов родителей мнения экспертов до определенной степени расходятся, то сама ситуация, когда старшее поколение говорит на родном языке, а младшее отвечает по-русски, всеми участниками опроса описывается как широко распространенная, почти рутинная, практика: *«Старшее поколение... считает родной язык важной частью идентичности... Младшее поколение... отвечает старшим по-русски, даже если вопрос задан на родном языке»* (эксперт № 4). Стоит оговориться, подобное не носит форму конфликта. Это скорее принятая обеими сторонами асимметрия: старшие продолжают говорить на родном языке, но уже не ожидают ответа на нем.

Эксперт № 5 подкрепляет констатацию факта цифрами: *«Опрос среди первокурсников вуза показал, что больше половины респондентов из городов отвечают родителям на русском языке. В сельской местности дети дошкольного возраста и младших классов на улице разговаривают между собой на русском языке»*. Последнее особенно показательно: помимо того, что межпоколенческий разрыв начал проникать и в сельскую среду, которая ранее считалась оплотом сохранения языка, среди детей в селах также происходит замещение родного языка русским во внутрипоколенческой коммуникации.

Не последнюю роль в появлении межпоколенческого разрыва играет разрушение многопоколенной семьи как физического пространства передачи родного языка: *«Часто работает эффект „малого скворечника“: во многих семьях физически отсутствуют представители более старшего поколения. При встречах старшее поколение невольно переходит на язык младшего поколения»* (эксперт № 6). Разрыв становится следствием демографических и миграционных процессов: бабушки и дедушки либо живут отдельно, либо, сталкиваясь с непониманием, сами переключаются на русский.

Однако, как показывает эксперт № 7, вновь ссылаясь на личный пример, разрыв вполне можно преодолеть, в том числе и на селе, если семья займет активную позицию: *«Крайне был удивлен, когда мои внучатые племянники в селе отвечали на русском и не понимали меня. На вопрос „Почему?“ родители ответили: школа, садик... Спустя полгода племянники стали с акцентом, но говорить»*. Данный кейс интересен тем, что разрыв был следствием не столько осознанного отказа, сколько результатом «дрейфа». Родители не выбирали намеренно русский в качестве средства внутрисемейного общения, а просто не приложили усилий для поддержания родного, но как только появилось внешнее требование (замечание от старшего родственника), ситуация частично исправилась.

Промежуточный итог. Молодое поколение родителей в массе своей демонстрирует выбор в пользу русского языка, мотивируя это прагматически, однако обоснованность такого рода доводов ставится под сомнение как скептиками (эксперт № 5), так и теми, кому знакомы успешные альтерна-

тивы (эксперт № 7). Межпоколенческий разрыв постепенно проникает из городов в села, становясь общей нормой, но он не является необратимым: целенаправленные усилия семьи способны если не устранить его, то смягчить. На сегодняшний день передача языка перестала быть автоматической. Она требует от родителей осознанной политики, а при ее отсутствии «по умолчанию» выигрывает русский.

Судьба домашнего фольклора и цифровая среда. Вопросы 5 и 6 анкеты – о судьбе домашнего фольклора и влиянии цифровой среды – переводят анализ из плоскости межличностной коммуникации в плоскость культурного контента и медиапотребления. Эксперты проявили практически полное единодушие по первому пункту: фольклор уходит, и заметно разошлись во мнениях по второму: цифра – угроза или ресурс?

Домашний фольклор: единодушный вердикт. Никто из семи экспертов не оспарил, что домашний фольклор – сказки, колыбельные, пословицы, песни – стремительно уходит из семейного обихода. Различия в ответах касались лишь жесткости формулировок и предлагаемых объяснений. Эксперт № 1 высказался наиболее категорично: *«Домашний фольклор полностью выдавлен из семейного общения, так как родной язык не воспринимается родителями как необходимый компонент культуры»*. Названная им причина – девальвация языка родителями – увязывает частную проблему судьбы домашнего фольклора с общим языковым сдвигом.

Эксперт № 5 приводит статистическую оценку: *«Домашний фольклор исчез, наверное, в 90% семей, если не больше... Только единицы из целой группы обучающихся за последние несколько лет слышали пословицы из уст родителей. Только в семьях, где живут люди преклонного возраста (от 60-и лет), дети слышали какие-то колыбельные, сказки»*. Таким образом, по мере нуклеаризации семьи и исчезновения из ситуации повседневного внутрисемейного общения старшего поколения бабушек и дедушек, к которому в семье привязан фольклор, фольклорная передача тоже исчезает. Впрочем, это исчезновение нельзя назвать тотальным. Скорее, происходит институциональный сдвиг: *«Домашний фольклор на грани исчезновения, он уходит из семьи и переносится на плоскость дошкольного и школьного образования, причем в очень малом объеме»* (эксперт № 6). Фольклор не уходит совсем, а меняет среду бытования: из живой, спонтанной, семейной он перемещается в формализованную, учебную, где его объем ничтожен. Отмеченный перенос означает разрыв с функцией: колыбельная, спетая воспитателем в детском саду, и колыбельная, спетая матерью на ночь, – это разные социальные факты.

Еще одним, неожиданным, фактором, способствующим угасанию домашнего фольклора, оказывается религиозно-идеологический: *«Но тут еще другая сторона. С точки зрения мусульман, проведение таких [народных, с исполнением песен и танцев] праздников – это несоответствие Корану и Сунне¹»* (эксперт № 7). Исчезновение фольклора из семейного

¹ Сунна – мусульманское священное предание, излагающее примеры из жизни пророка Мухаммеда как образец и руководство для мусульманской общины и каждого отдельного мусульманина; второй по значимости (после Корана) источник правовых норм в исламе.

речевого обихода может происходить не только потому, что родители перестают ценить язык, но и также вследствие того, что часть их начинает воспринимать народные традиции как противоречащие религиозным нормам.

Цифровая среда: угроза или шанс? Мнения экспертов по этому вопросу разнятся от жесткого скепсиса до осторожного оптимизма, основанного на конкретных проектах. В представлении одних молодежь практически не заинтересована в интернет-материалах на родном языке, в отношении которых она выступает не как активный пользователь, а как пассивный реципиент, реагирующий либо на принуждение, либо на низовой развлекательный или скандальный контент: *«Среди людей младше 18-и лет цифровой контент на кабардинском языке могут посещать по настоянию преподавателя... Первые три места можно распределить следующим образом: 1) музыкальные... 2) дешевые видео-вопросы... 3) если кого-то критикуют... Любой проект на родном языке быстро угасает, теряется интерес аудитории»* (эксперт № 5). Это заставляет эксперта сомневаться в самой идее цифрового возрождения языка: даже если контент создается, он не находит своего устойчивого потребителя.

Несколько иной случай, также вызывающий скептицизм, – когда потребитель находится, но не тот, кому изначально предназначался контент: *«После размещения колыбельных песен [на балкарском языке] число их скачиваний резко возросло, однако, как оказалось, за счет большого интереса к ним уйгуров из Китая»* (эксперт № 1). Ситуация, при которой родной язык становится объектом интереса для внешних потребителей (например, для других тюркских народов) в силу своей экзотичности, идеально укладывается в логику «спектакля», но не работает на сохранение языка внутри сообщества.

В противовес скептикам умеренные оптимисты из числа экспертов указывают на наличие успешных цифровых инициатив в области поддержания родных языков: *«Только 2,2% молодежи используют родной язык в соцсетях, а для 73% он остается лишь „домашним“... Удачные проекты – включение кабардинского и балкарского языков в „Яндекс.Переводчик“... нейросеть CircassianAI... проект Easy Adugebeze»* (эксперт № 4).

Немалой популярностью пользуются также упомянутые экспертами № 4 и № 6 телевикторины «Миллионер боламыс?» и «Ана тил». Последнюю эксперт № 6 характеризует так: *«На сегодняшний день снято более 300 выпусков, что говорит о ее востребованности и интересе со стороны зрителей. Уникальность „Ана тил“ заключается в ее доступности для широкой аудитории... от школьников и студентов до пенсионеров и представителей интеллигенции»*.

Дополняют этот ряд перечисленные экспертом № 7 иммерсивный этнографический проект для детей «Пасэрей», YouTube-каналы с просветительскими видео «Адыгэ канал Черкесы» и «СиБзэ», настольные игры «Страна Нартов» и «Мыст», центр популяризации и развития кабардино-черкесского языка и культуры «Адыгэ ц1ык1у».

Несмотря на присутствие двух точек зрения, противоречие между ними скорее кажущееся. Скептики (эксперты № 5 и № 1) оценивают массовый повседневный спрос, и он действительно низок. Оптимисты (эксперты № 4, № 6 и № 7) отмечают точечные успехи там, где контент производится энтузиастами и находит нишевую аудиторию, из-за чего создается впечатление насыщенного цифрового и культурного ландшафта. Выявленные позиции не столько опровергают, сколько дополняют друг друга: цифровая среда предоставляет инструменты для сохранения языка, но не формирует автоматически массовой мотивации к их использованию. А кроме того, даже успешные проекты могут работать не на ту аудиторию, на которую рассчитывали создатели.

Промежуточный итог. Судьба домашнего фольклора и роль цифровой среды выявляют ключевой парадокс языкового сдвига в КБР. Традиционные формы устной передачи (сказки, колыбельные) необратимо уходят из семейной речевой практики вследствие родительского прагматизма, нуклеаризации семьи и религиозного давления. Цифровая среда предлагает альтернативные каналы, которые на уровне отдельных проектов могут работать успешно, однако в целом переломить ситуацию неспособны: молодежь потребляет контент на родном языке либо по принуждению, либо в режиме развлечения, а устойчивый интерес порой приходит извне, от других народов, но не изнутри сообщества. Иными словами, «цифра» может сохранить язык как объект, но не обязательно возвращает его в живую повседневную коммуникацию.

Туризм, урбанизация и «декоративность». Вопрос 7 анкеты – о том, как развитие туризма и урбанизация меняют функции родного языка, – предлагает экспертам взглянуть на ситуацию с позиции социально-экономических процессов. В отличие от семейных практик и цифровой среды, туризм и урбанизация являются внешними, структурными силами, на которые отдельная семья или школа практически не могут повлиять. Ответы на этот вопрос демонстрируют примечательный разброс мнений: от признания неотвратимого вытеснения языка в сувенирную нишу до указания на неожиданные точки аутентичного использования.

Туризм как фабрика декоративности. Большинство экспертов сходятся в том, что туризм способствует не столько сохранению живого языка, сколько его превращению в декоративный элемент: *«Туризм и урбанизация часто способствуют „декоративному“ использованию родного языка: в меню ресторанов, на вывесках, в выступлениях ансамблей. Живое общение на родном языке сохраняется в традиционных общинах, среди старшего поколения»* (эксперт № 2). Нельзя сказать, что туризм напрямую убивает язык. Скорее, он способствует перераспределению его функций, делая публичное использование преимущественно символическим. Пространство функционирования языка оказывается разделено на «сцену» для туристов (меню, вывески, ансамбли) и «кулисы» для местных (старшее поколение).

Касательно «сцены» некоторые из экспертов высказались довольно резко, отказав ей в каком-либо сохраняющем потенциале: *«Язык реально используется на мероприятиях, но как русско-национальный суррогат;*

этнические атрибуты мало влияют на сохранение живого общения, а с развитием туризма и урбанизации язык постепенно умрет, если представители... не проявят желание сохранить его» (эксперт № 1). Формулировка «русско-национальный суррогат» чрезмерно эмоциональна и вместе с тем указывает на то, что язык на мероприятиях – это уже не вполне родной язык, а гибридный код, адаптированный под внешнего наблюдателя. Еще категоричнее высказался эксперт № 5, приравняв декоративность к отсутствию полноценного функционирования в ключевых сферах: *«Если родной язык не является языком делопроизводства, законотворчества, он уже является декоративным».*

Урбанизация как ускоритель сдвига. Если туризм действует на язык избирательно (одни сферы превращает в витрину, другие оставляет нетронутыми), то урбанизация рассматривается экспертами как тотальный фактор русификации: *«Развитие туризма и урбанизации ускоряет процесс „русификации“ родного языка и повседневной речи на нем» (эксперт № 3).* Городская среда полиэтнична по определению и объективно требует языка межнационального общения. Вдобавок к этому переезд в город разрывает связь с сельским языковым сообществом. Дети проживающих в городах уже не имеют той плотной языковой среды, которая еще сохраняется в селах. Сам по себе этот процесс не нов – нова та скорость, с которой он сегодня протекает, распространяясь, как выше отмечалось, даже на сельскую местность через цифровые каналы и маятниковую миграцию.

Исключения и контраргументы. Позицию «туризм + урбанизация – декоративность» в ее радикальной трактовке разделяют не все участники нашего опроса. Так, эксперт № 3, не отрицая общего тренда на русификацию, делает существенную оговорку: *«В то же время встречаются примеры бережного и максимально аутентичного использования родного языка и культурного наследия владельцами заведений сферы обслуживания именно в местах, привлекательных для туристов».* Это важное уточнение: туризм не с неизбежностью порождает суррогат. При определенных условиях и усилиях принимающей стороны он может создавать пространства, где язык используется не как вывеска, а как живой элемент гостеприимства. Правда, такие места – скорее исключение, чем правило.

Один из способов сделать язык живым элементом гостеприимства – встроить его в интерактивное действие: *«В ходе встречи знакомим [туристов] с традициями, культурой, вовлекаем в национальное игрище. В ходе общения звучат слова на языках народов КБР... Это все в комплексе способствует сохранению этнической идентичности...» (эксперт № 7).* Вовлеченный в игрище турист выступает уже не пассивным зрителем, а активным участником, для которого язык становится частью опыта. Более того, описанная практика работает как на внешнюю аудиторию, так и на самих носителей, укрепляя их связь с языком через его демонстрацию и способствуя «сохранению этнической идентичности».

Как примирить эту позитивную картину с пессимистичными оценками экспертов № 1 и № 5? Полагаем, все дело в масштабе и системности. Пример эксперта № 7 – штучная энтузиастская практика, тогда как туризм в целом

действует по рыночной логике и в подавляющем большинстве случаев довольствуется минимумом языка-декорации. Пока аутентичное использование держится на отдельных активистах, оно не перелаживает общий тренд.

Промежуточный итог. Оценки экспертов в рамках данного блока образуют довольно широкий спектр мнений: от признания языка декоративным уже в силу отсутствия институциональных функций (эксперт № 5) до фиксации отдельных аутентичных практик, встроенных в туристический опыт (эксперты № 3 и № 7). Если урбанизация единодушно признается экспертами в качестве фактора русификации, то с туризмом не все так однозначно. С одной стороны, он стимулирует поверхностное, витринное использование языка, а с другой – создает экономические ниши (этнокафе, фестивали, игрища), где язык может быть востребован как нечто большее, чем просто декор. Ключевой вопрос, который остается открытым: способны ли эти ниши расширяться и задавать новую норму, или же они так и останутся островками аутентичности в «океане» декоративности?

Противоречие престижа и роль институтов. Вопросы 8, 9 и 10 анкеты – о противоречии между публичной риторикой касательно важности языка и неизменностью экономических/повседневных практик, о роли школы и неформальных каналов передачи – составляют смысловой узел всей дискуссии и выводят ее на метауровень. Отвечая на них, эксперты обсуждали не столько сами языковые процессы, сколько систему институтов, призванных этими процессами управлять или хотя бы влиять на них. Общий тон оценок можно охарактеризовать как критический с отдельными вкраплениями осторожного оптимизма.

Разрыв между словом и делом. Все без исключения участники опроса фиксируют фундаментальное противоречие: публичная риторика о сохранении языков в последние годы заметно усилилась, однако это не привело к перелому в экономических и бытовых практиках. Эксперт № 1 формулирует проблему в терминах мотивации и принуждения: *«В последние десятилетия проблема сохранения языков поднималась как политический инструмент для решения личных проблем. Кроме семьи, все институты так или иначе пытаются поддержать престиж языков, но их усилия тщетны. Никто никого принудительными мерами не заставит любить язык»*. Иными словами, даже грамотное приложение институциональных усилий все равно упираются в стену индивидуальной мотивации: язык нельзя навязать, если он не нужен самому носителю.

Эксперт № 5 переводит проблему в плоскость реализации государственных решений и в качестве ключевой причины называет разрыв между уровнями управления: *«Публичная риторика о важности языка всегда была и сейчас есть, но почему-то прогресса не видно: либо вместо выполнения указов ограничиваются бумажными отчетами, либо не хватает экономической составляющей... Грантовые программы не могут решить всех задач, так как являются разовыми»*. Получается, решение принято и озвучено, но на этапе исполнения оно буксует из-за отсутствия финансирования, контроля или системного подхода, а «бумажные отчеты» становятся субститутотом реальных изменений.

Эксперт № 4 дополняет картину, увязывая отмеченный разрыв с глобальными факторами: *«Противоречие между публичной риторикой о важности сохранения языка и неизменными экономическими и повседневными практиками можно объяснить разрывом между декларативными заявлениями и реальными условиями... Экономические факторы, влияние медиа и интернета, отсутствие языковой среды... снижают мотивацию к использованию родного языка в профессиональной сфере»*. Таким образом, риторика не работает не потому, что она лицемерна, а потому, что не подкреплена изменением тех структурных условий (рынок труда, медиасреда), которые определяют реальный языковой выбор.

Школа: двойственная и сокращающаяся роль. Эксперты признают, что в текущих условиях школа – едва ли не единственный институт, способный обеспечить базовую грамотность на родном языке, но в то же время именно она производит «учебный», оторванный от жизни вариант языка.

Эксперт № 1 обозначил принципиальную проблему города: *«В большинстве городских школ уроки родного языка проходят в условиях учебного двуязычия, так как нет естественной языковой ситуации»*. Если в классе никто не говорит на родном языке за пределами урока, то язык неизбежно становится учебным предметом, а сам урок – искусственной практикой, но никак не живой средой.

Сокращение часов на родной язык до одного урока в неделю уже делает невозможным его полноценное освоение, а практикуемый подход к преподаванию еще больше усугубляет ситуацию и ведет скорее к негативным социальным последствиям: *«Существующий подход к родным языкам в школах в лучшем случае больше ориентирован на „заучивание“ учебного материала»* (эксперт № 5); *«Если школа сводит изучение к зубрежке и запретам, она действительно создает „учебный“ язык, который остается невостребованным за пределами класса»* (эксперт № 4).

Вместе с тем школа не способна в одиночку компенсировать отсутствие языковой среды в семье и социуме. Ее потенциал ограничен, а при сокращении часов – еще и урезан, однако она не настолько бесполезна, как может показаться: *«Школа дает базовую грамотность... Школа создает базу, которую потом можно адаптировать под реальные нужды»* (эксперт № 7).

Неформальные практики и НКО: энтузиазм без системы. За пределами школы и семьи эксперты фиксируют определенное оживление в плане поддержания и сохранения родных языков, но оценивают его по-разному. По мнению эксперта № 5, неформальная активность есть, но она страдает от целого ряда проблем: узкий охват, некомпетентность организаторов и, как следствие, неустойчивость: *«Появились несколько частных центров, где обучают родным языкам, но у них узкий круг охвата детей... В соцсетях функционируют многочисленные группы, но... материал иногда преподносится исходя не из научной аргументации, а по принципу „я так считаю, поэтому так и есть“»*.

Эксперт № 7, напротив, приводит обширный перечень успешных, на его взгляд, инициатив, начиная от мероприятий и заканчивая настольными играми и телевикторинами: *«Этнокультурные мероприятия, такие как фестивали, ярмарки, праздники, могут создавать пространство для изучения и сохранения языков. Например, ежегодный молодежный этнокультурный лагерь „Адыгэ хабзэ“»*. Необходимо отметить, что расхождение между мнениями экспертов № 5 и № 7 заключается не в оценке ими фактов, а в фокусе и масштабе рассмотрения. Эксперт № 5 ссылается на массу молодежи, которую эти проекты не затрагивают, а эксперт № 7 – на само существование инфраструктуры, которой раньше не было.

Эксперт № 4 приводит сбалансированный список факторов, как поддерживающих, так и подрывающих престиж родного языка, указывая при этом, что одни и те же институты могут работать в обоих направлениях: *«Медиа (позитивный пример): некоторые СМИ и каналы активно используют родной язык... Медиа (негативный пример): распространение жаргонизмов, англицизмов, снижение языковой нормы»*. Это важное дополнение: институты не делятся на «хорошие» и «плохие», а их эффект зависит от конкретных практик, наполнения и аудитории.

Промежуточный итог. Анализ институционального ландшафта показывает, что в КБР существует разветвленная, но крайне неравномерно распределенная и лишенная системного стержня сеть поддержки родных языков. Публичная риторика высокого уровня не конвертируется в повседневные практики, так как не меняет экономических стимулов. Школа, оставшись с минимальными часами и формальными методиками преподавания, производит «учебный» язык без выхода в жизнь. Неформальные инициативы держатся лишь на энтузиазме одиночек и не способны переломить массовый тренд. Семья, которая в теории должна быть ключевым звеном, фактически выпадает из этой системы. Именно она, согласно эксперту № 1, является единственным институтом, способным что-то изменить, но именно в ней язык утрачивается быстрее всего. В итоге возникает замкнутый круг, разорвать который, по мнению большинства экспертов, может только системная государственная политика, однако убедительных признаков ее появления пока не наблюдается.

Будущее языка: прогнозы и исследовательские лакуны. Вопросы 11 и 12 анкеты – о возможности возврата родного языка в повседневное общение младших поколений через 20–30 лет и о неисследованных областях языковой ситуации – выполняют в опросе двойную функцию. С одной стороны, они заставляют экспертов перейти от диагностики настоящего к прогнозированию, а с другой – выявляют, чего именно им не хватает для более точного понимания происходящего. Ответы демонстрируют выраженный разрыв между тем, что считается желательным, и тем, что оценивается как вероятное.

Прогнозы: от прямого пессимизма к условному оптимизму. Самые пессимистичные сценарии рисуют эксперты, наиболее критично воспринимающие текущую ситуацию.

«30% детей младшего возраста, поступающих в детские сады, не владеют родными языками. Последствия очевидны» (эксперт № 1). Это предельно лаконичный и, по сути, фаталистичный прогноз: если треть нового поколения уже не входит в языковую среду, то естественное воспроизводство языка прервано, и никакие усилия на последующих этапах не компенсируют данный разрыв.

Еще более мрачный сценарий предлагает эксперт № 5: *«При отсутствии системного подхода количество детей кабардинской и балкарской национальностей, не владеющих родным языком, будет преобладать над теми, кто владеет... Через 20–30 лет сегодняшним подросткам будет 45–50, т. е. некоторые из них будут уже бабушками и дедушками, – поколение, которое сейчас даже не пытается имитировать знание родного языка».* Согласно этому прогнозу, во-первых, неизбежен количественный перевес невладеющих родным языком над владеющими, а во-вторых, нынешние подростки (правильнее назвать их молодежью), став старшим поколением, не смогут передать язык своим детям и внукам, потому что сами им не владеют. В результате произойдет поколенческий обрыв передачи языка, после которого восстановление станет экспоненциально более сложным, если вообще возможным.

По оценкам эксперта № 6, улучшение ситуации *«возможно только при озабоченности этой проблемой практически всех поколений. В противном случае сценарий будет развиваться весьма пессимистично».* Ключевое слово здесь – «всех»: единичных усилий активистов или школы недостаточно, требуется мобилизация всего сообщества, но пока предпосылок к этому эксперт не видит.

Альтернативный полюс мнений представлен не столько оптимистическими сценариями, сколько указанием на конкретные условия, при которых реализация негативного сценария может быть предотвращена. Одним из таких является рыночное условие: *«В условиях города поддержание родного языка в повседневном общении возможно, только если владение или невладение им будет прямо влиять на карьерные возможности человека, т. е. при полноценном его функционировании как государственного»* (эксперт № 3). Согласно этой логике язык может быть сохранен не уговорами или риторикой, а с помощью экономических механизмов – создания рабочих мест, требующих владения языком, и функционирования государственных институтов на нем. Оговоримся, этот технократический взгляд имеет на сегодняшний день мало общего с реальностью КБР.

Эксперт № 4 предложил более развернутый перечень необходимых мер: от государственной поддержки и «языковых гнезд» в детских садах до цифровых инструментов и этнотуризма – и вместе с тем признает, что без соответствующей мотивации все они будут просто формальностью: *«Ключевой фактор – создание реальной потребности в использовании языка: он должен быть не просто „музейным экспонатом“, а живым инструментом общения, карьеры, творчества и самоидентификации. Без такой мотивации даже самые продуманные программы рискуют остаться формальностью».* Примерно в том же ключе высказался

и эксперт № 7: возврат возможен, но при условии *«комплексного подхода и совместных усилий семьи, образовательных учреждений, государства и общества в целом»*. Свою позицию он подкрепляет личным примером – внучкой-полиглотом.

Несмотря на расхождения во мнениях, экспертный корпус не столько поляризован, сколько выстроен вдоль шкалы: на одном конце те, кто считает негативный сценарий практически свершившимся фактом, на другом – те, кто перечисляет условия, при которых его можно избежать. Однако даже «оптимисты» формулируют свои условия в сослагательном наклонении, что свидетельствует об отсутствии убежденности в их реализуемости.

Исследовательские лакуны: незнание причин и механизмов. В ответах на вопрос о пробелах в изучении языковой ситуации в КБР можно выделить три затронутые экспертами темы.

Первая – отсутствие глубины и системности: *«Отсутствуют полноценные социологические и социолингвистические исследования, которые бы не просто обнажали проблемы в кругу узкопрофильных специалистов, а стали бы основой для их решения с поддержкой государства»* (эксперт № 5). Это замечание отражает критическую оценку существующей исследовательской базы со стороны части профессионального сообщества. В данном случае речь идет не столько об отсутствии исследований языковой ситуации как таковых, сколько о недостатке работ, ориентированных на выявление механизмов языкового сдвига и эмпирическую оценку эффективности конкретных мер языковой политики. Настоящее исследование также имеет преимущественно диагностический характер и не устраняет эту лакуну в полной мере; его задача состоит в выявлении ключевых проблемных зон и формулировании исследовательских вопросов, требующих дальнейшей проверки на более широком эмпирическом материале. Они констатируют ситуацию, но не становятся основой для политики, потому что, с одной стороны, не доводятся до уровня практических рекомендаций, а с другой – государство не предъявляет на них спроса.

Вторая – непонимание причин: *«В основном упор делается на констатацию современного состояния, однако в первую очередь важно понимание причин современного состояния родных языков, а исходя из этого следует выработать релевантные рекомендации»* (эксперт № 6). Данный диагноз высвечивает методологический изъян многих работ: мы знаем, что языки «уходят» из семьи, но не знаем в деталях, каковы механизмы этого ухода, как семьи принимают решение, какова относительная роль экономических, культурных, психологических факторов.

Третья – спектр неизученных вопросов. Эксперт № 4 перечисляет целый ряд тем, редко попадающих в фокус внимания ученых, который сам по себе представляет исследовательскую программу на годы вперед: *«Как языковая лояльность соотносится с гражданской идентичностью?.. Какова реальная эффективность программ поддержки языков?.. Как работает межпоколенческая трансмиссия в передаче знаний родного языка?.. Как языки взаимодействуют в повседневной коммуникации?.. Какова роль диаспоры в сохранении языков?»*

Промежуточный итог. Выявленный в ходе анализа разрыв между прогнозами и лакунами парадоксален и показателен. С одной стороны, эксперты достаточно уверенно рисуют негативный сценарий на 20–30 лет вперед, а с другой – сами же признают, что ключевые вопросы о причинах языкового сдвига, механизмах межпоколенческой передачи и эффективности существующих программ остаются практически неизученными. Это расхождение между определенностью прогноза и неопределенностью знаний о глубинных процессах – возможно, самый тревожный результат всего опроса. Он означает, что языковая политика в КБР ведется вслепую, без понимания того, какие меры работают, а какие – нет. Однако именно этот институциональный вакуум и делает пессимистический сценарий наиболее вероятным в силу отсутствия осмысленных, основанных на данных усилий по его предотвращению.

Успешные и провальные инициативы: точечные достижения и дефицит системности. Последний вопрос анкеты предлагал экспертам назвать одну успешную и одну провальную инициативу по поддержке кабардинского или балкарского языка за последние пять лет и объяснить причины успеха или неудачи. Ответы выявили заметное расхождение и в выборе конкретных проектов, и в самих критериях их оценки. Одна группа экспертов указывает на ряд работающих цифровых, образовательных и культурных инициатив, тогда как другая оценивает существующую инфраструктуру поддержки значительно более скептически, вплоть до отрицания наличия значимых результатов.

Наиболее отчетливо положительный полюс представлен оценками проектов, сочетающих использование современных технологий с конкретной практической функцией. Эксперт № 4 в качестве успешной инициативы выделяет включение кабардинского и балкарского языков в «Яндекс.Переводчик». По ее оценке, успех был обеспечен сочетанием «технологичного подхода», командной работы педагогов и государственной поддержки, а также тем, что результат проекта имеет очевидную практическую ценность для пользователей. В создании корпусов участвовали 80 учителей, а использование цифровых инструментов позволило в короткие сроки сформировать необходимую языковую базу. Показательно, что в данном случае родной язык интегрируется в повседневно используемый технологический сервис. Это отличает проект от многих инициатив, ориентированных преимущественно на демонстрацию этнокультурной идентичности.

Сходным образом эксперт № 2 связывает успех цифровых проектов с их способностью заинтересовать аудиторию. Среди положительных примеров он называет образовательный YouTube-контент на кабардинском языке и ресурсы фонда «Эльбрусоид», объясняя результативность «интересным контентом, качественной подачей и активным взаимодействием с аудиторией». Тем самым в его оценке критерием успеха становится конкурентоспособность контента на родном языке в современной медиасреде.

Аналогичный акцент на способности проекта привлекать и удерживать аудиторию присутствует в ответе эксперт № 3. В качестве успешной инициативы он называет деятельность Фонда культуры имени Кязима

Мечиева, прежде всего телевикторину «Ана тил» и центр изучения родного языка. Причиной успеха эксперт считает заинтересованность сотрудников и их «умение заинтересовать молодые поколения» посредством креативных методов. При этом назвать явно провальный проект он затруднился. Эксперт № 7 в схожем ключе выделяет ежегодный республиканский конкурс-фестиваль «Си бзэ – си псэ, си дуней», характеризуя его как заметное событие школьной и общественной жизни.

Таким образом, в положительных оценках прослеживается достаточно четкая закономерность. Успешными воспринимаются преимущественно те инициативы, которые не ограничиваются декларацией ценности языка, а создают ситуацию его конкретного использования: перевод, обучение, игра, просмотр медиаконтента, участие в конкурсе. Важными условиями становятся также современный формат, ориентация на молодую аудиторию, эмоциональная вовлеченность участников и наличие группы организаторов, способной поддерживать проект в течение продолжительного времени.

Ответы о неудачных инициативах позволяют выявить обратный набор факторов. Эксперт № 5 формулирует проблему наиболее системно: «Любая инициатива будет провальной, если нет системы и финансовой поддержки». В качестве примера он приводит проект «Анэбзэ», устойчивость которого оказалась ограничена зависимостью от редких грантов. Эксперт не концентрируется на содержании самой инициативы, а критикует модель ее институционального существования: краткосрочное грантовое финансирование не обеспечивает его превращения в устойчивую практику.

Другой механизм неудачи выделяет эксперт № 2 на примере новых учебников по кабардинскому и балкарскому языкам. По его мнению, учебник оказался *«слишком сложным и оторванным от реальной разговорной речи»*, а причиной отрицательной реакции стали *«отсутствие предварительного тестирования и игнорирование мнения практикующих педагогов»*. Здесь проявляется уже не финансовая, а институционально-коммуникативная проблема: продукт создается для определенной аудитории без достаточного учета ее реальных языковых компетенций и потребностей. Этот пример непосредственно перекликается с зафиксированным выше противоречием между «учебным» и повседневным языком.

Эксперт № 4 также связывает неудачу языковых проектов с недостаточным финансированием, кадровым дефицитом и отсутствием долгосрочной институциональной поддержки, приводя пример сокращения телевидения на родных языках. Следует, однако, учитывать, что приведенный ею пример относится к периоду до 2014 г. и формально выходит за заданные вопросом пятилетние хронологические рамки. Тем не менее названные ею причины – недостаток финансирования, дефицит квалифицированных специалистов и отсутствие долгосрочных программ – содержательно совпадают с проблемами, отмеченными другими участниками опроса.

Особый полюс составляют ответы экспертов № 1 и № 6, которые фактически отказываются выделять успешные проекты. Эксперт № 1 предельно категорична: *«Все инициативы носят декларативный харак-*

тер». Эксперт № 6 формулирует близкую позицию еще лаконичнее: «*Не вижу значимых инициатив*». На первый взгляд эти оценки противоречат перечисленным другими экспертами примерам. Однако расхождение, по-видимому, связано прежде всего с различными критериями результативности. Для одной части участников наличие устойчивой аудитории, технологической инновации или работающего культурно-образовательного проекта уже является свидетельством успеха. Для наиболее критично настроенных экспертов успех должен выражаться в более масштабном изменении языкового поведения и возвращении языка в повседневную коммуникацию. При таком критерии отдельные проекты действительно оказываются недостаточными.

Промежуточный итог. Ответы на заключительный вопрос показывают, что проблема поддержки родных языков в КБР заключается не в полном отсутствии инициатив, а в разрыве между многочисленными локальными проектами и их способностью воздействовать на массовые языковые практики. Наиболее успешными эксперты считают проекты, соединяющие язык с практически востребованной деятельностью, современными цифровыми форматами и непосредственным вовлечением аудитории. Основными факторами неудачи выступают отсутствие устойчивого финансирования, краткосрочный проектный характер деятельности, слабая обратная связь с целевой аудиторией и недостаток институциональной преемственности. Тем самым материалы опроса позволяют уточнить выявленный ранее парадокс: инфраструктура поддержки родных языков существует и в отдельных сегментах демонстрирует заметные результаты, однако пока эти точечные успехи не складываются в систему, способную переломить общий языковой сдвиг.

Обсуждение и выводы

Представленные результаты экспертного опроса позволяют с уверенностью подтвердить исходную гипотезу о трансформации функций кабардинского и балкарского языков в КБР. Однако для адекватной научной интерпретации зафиксированных процессов необходимо их осмысление с применением теорий социолингвистики и политической экономии языка.

Единодушно отмеченное экспертами сжатие семейно-бытового использования родных языков и их дрейф в сторону ритуализованного публичного применения целесообразно анализировать не в оценочных категориях «упадка», а через призму концепции поствернакулярности. В поствернакулярном состоянии сам факт использования миноритарного языка (его форма и звучание) становится для говорящих не менее, а зачастую и более значимым, чем семантическое содержание высказывания. С этой точки зрения описанные экспертами явления, такие, например, как произнесение ритуальных тостов с переходом на русский язык (названное экспертом № 1 «русско-национальным суррогатом»), представляют собой формы этнолингвистической инфузии. Подобного рода перформативное

использование элементов родного языка позволяет участникам коммуникации конструировать локальную идентичность даже в условиях утраты полноценного билингвизма.

Происходящий параллельно этому процесс превращения языка в декоративный элемент туристической инфраструктуры и сферы гостеприимства имеет смысл трактовать как проявление глобального тренда на коммодификацию языка. В соответствии с парадигмой «гордости и прибыли» миноритарный язык трансформируется из неотъемлемого элемента традиционной культуры в измеримый рыночный актив, символический капитал, продающий «аутентичность» внешнему потребителю, что, в свою очередь, объясняет отмеченную экспертами фрагментацию: язык вымывается из приватной семейной сферы, но парадоксальным образом сохраняется и даже коммерциализируется в виде вывесок, меню и фольклорных туристических представлений.

Выявленный по результатам исследования центральный парадокс – колоссальный разрыв между усилившейся публичной риторикой о важности сохранения языков и массовым прагматичным отказом молодых родителей от их передачи детям – невозможно объяснить исключительно внутрисемейной ситуацией или «отсутствием патриотизма». Решающим институциональным фактором, легитимировавшим и катализировавшим процессы языкового сдвига, стало принятие в 2018 г. поправок в Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которые официально закрепили принцип добровольного изучения государственных языков республик и родных языков [1].

Данный законодательный шаг формализовал конкуренцию между русским и родными языками в рамках ограниченной сетки учебных часов. Государственная образовательная политика переложила бремя ответственности за сохранение миноритарных языков со школы на семью. В результате возникла «институциональная ловушка»: в условиях урбанизации и отсутствия в регионе экономических стимулов к использованию кабардинского и балкарского языков на рынке труда, выбор родителей в пользу доминирующего (русского) языка становится абсолютно рациональной адаптивной стратегией. Имитационная поддержка престижа родных языков со стороны региональных институтов разбивается о прагматику выживания и социальной мобильности (успешная сдача ЕГЭ с последующим поступлением в вуз), обуславливающую однозначный приоритет общегосударственного языка.

Дополнительным проявлением этой институциональной проблемы становится разрыв между результативностью отдельных инициатив и эффективностью языковой политики в целом. Экспертные оценки показывают, что в КБР существуют проекты, способные привлекать устойчивую аудиторию и создавать новые сферы использования родных языков: цифровые сервисы, образовательный контент, телевикторины, культурные и просветительские инициативы. Их успех связан прежде всего с практической востребованностью, современным форматом и непосредственным вовлечением аудитории. Однако даже относительно успешные проекты

остаются локальными и сами по себе не приводят к изменению массовых языковых практик. Напротив, неудачи инициатив эксперты связывают с зависимостью от краткосрочного грантового финансирования, отсутствием институциональной преемственности, недостаточной обратной связью с целевой аудиторией и дефицитом системной поддержки. Тем самым проблема заключается не столько в отсутствии языковых инициатив, сколько в неспособности превратить совокупность точечных проектов в устойчивую инфраструктуру воспроизводства языка.

Опора исключительно на оценки профессиональных филологов и языковых активистов обеспечила высокую аналитическую плотность материала и вместе с тем задала специфические эпистемологические ограничения. Академическому сообществу традиционно свойственны жесткие пуристские установки и прескриптивизм – ориентация на классическую литературную норму в купе со стремлением защитить язык от заимствований и структурного упрощения. Следствием такого пуризма оказывается резкая стигматизация гибридных, неполных или символических форм владения языком, что проявилось в использовании экспертами таких терминов, как «имитация» и «суррогат». Подобная позиция часто приводит к критическому или пренебрежительному отношению к новым носителям (*new speakers*) – молодежи, осваивающей язык в усеченном формате через социальные сети, музыку и/или туризм. Экспертный взгляд, сосредоточенный на оплакивании уходящего аутентичного вернакуляра, чреват недооценкой компенсаторного потенциала этих новых практик. Устранение данного ограничения формирует повестку для дальнейших исследований, в фокусе которых должны оказаться стратегии семейной языковой политики рядовых горожан и мотивы молодых носителей, формирующих контуры поствернакулярного будущего родных языков КБР.

Библиографический список

1. Мочалов А. Н. Законодательство о языках народов Российской Федерации: состояние и направления совершенствования (федеративный аспект) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 6. С. 19–34. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_6_19; EDN: CYDPVU.
2. Benor S. B. Ethnolinguistic Infusion: Community Language Socialization and Reclamation without Proficiency // Language in Society. 2026. Vol. 55. No. 3. P. 407–431. DOI: 10.1017/S0047404525101851.
3. Freeland J. Linguistic Revitalization: Social Stakes and New Research Directions. An Afterword // Langage et société. 2013. Vol. 145. No. 3. P. 81–100. DOI: 10.3917/e.ls.145.0081.
4. Grutman R. Post-Vernacular Self-Translation: Bringing Languages Back from the Brink // Lezioni di Traduzione. 2025. No. 4. P. 19–38. URL: <https://amsacta.unibo.it/id/eprint/8690/1/Grutman%20LdT%204.pdf> (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.6092/unibo/amsacta/8690.

5. Heller M. Language, Skill and Authenticity in the Globalized New Economy // *Noves SL.: Revista de sociolingüística*. 2005. No. 2. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2049785> (дата обращения: 01.07.2026).
6. Heller M. The Commodification of Language // *Annual Review of Anthropology*. 2010. Vol. 39. P. 101–114. DOI: 10.1146/annurev.anthro.012809.104951.
7. Liu A., Rui S., Deng Z. Small Tourism Entrepreneurs, Heritage Authenticity and Tourism Gentrification: A Critical Engagement with More-than-representational Theory // *Journal of Heritage Tourism*. 2026, March. P. 1–16. DOI: 10.1080/1743873X.2026.2625838.
8. Lonardi S. Minority Languages and Tourism: A Literature Review // *Journal of Heritage Tourism*. 2022. Vol. 17. No. 3. P. 342–356. DOI: 10.1080/1743873X.2021.2012183.
9. Schram F. Moin, Schietwedder, and Freely Phrased Sentences: The Commodified Use of Low German on Instagram // *Language Internet*. 2023. Vol. 21. P. 79–101. DOI: 10.14434/li.v21.37374.
10. Shandler J. Postvernacular Yiddish: Language as a Performance Art // *The Drama Review*. 2004. Vol. 48. No. 1. P. 19–43. DOI: 10.1162/105420404772990655.
11. Zhang A., Xie J. Creation of a Pseudo-language as Spectacle: A Critical Study on the Linguistic Landscape of Heritage Tourism // *Annals of Tourism Research*. 2025. Vol. 115. DOI: 10.1016/j.annals.2025.104019.

Получено редакцией: 3.06.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кумыков Аюес Мухамедович, доктор философских наук, профессор, директор-организатор филиала

Тумов Аскер Асланбекович, кандидат исторических наук, научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.2

Between public rhetoric and parental pragmatism: an expert perspective on the future of the native languages of Kabardino-Balkaria

Aues M. Kumykov

North Caucasian Branch of FCTAS RAS, Nalchik, Russia

auyes.kumykov@mail.ru

ORCID: 0009-0006-0869-2402

Asker A. Tumov

North Caucasian Branch of FCTAS RAS, Nalchik, Russia

tumovasker@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8684-8886

For citation: Kumykov A. M., Tumov A. A. Between public rhetoric and parental pragmatism: An expert perspective on the future of the native languages of Kabardino-Balkaria. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 14–39. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.2; EDN: RTVABQ.

Abstract. This article analyzes the transformation of the social functions of the Kabardian and Balkar languages in the contemporary Kabardino-Balkarian Republic amid urbanization, digitalization, changes in education policy, and the expansion of the tourism industry. The study aims to identify the mechanisms of language shift and to test the hypothesis that native languages are moving from their role as an everyday means of communication and a “foundation of culture” toward predominantly symbolic, ritual, instrumental, and commercialized forms of use. The theoretical framework draws on the concepts of language commodification, postvernacularity, and ethnolinguistic infusion, which make it possible to view the decline in everyday language use not only as language “loss” but also as a change in the range of social functions a language performs.

The study draws on a qualitative survey of seven regional experts—researchers, philologists, cultural workers, and language activists – conducted in April 2026. The questionnaire comprised 13 open-ended questions addressing changes in the language situation, language transmission within the family, the intergenerational gap, family folklore, the digital environment, tourism, urbanization, the role of schools and civic initiatives, as well as future prospects and research gaps. The responses were analyzed using thematic coding and a comparison of the experts’ perspectives.

Findings indicate a high degree of agreement among experts regarding the declining use of Kabardian and Balkar in family and everyday life and the weakening of intergenerational transmission. Young parents increasingly choose Russian for its practical value in education, social mobility, and career development; at the same time, traditional forms of family folklore are disappearing, while native languages are increasingly shifting into ritual, educational, digital, and tourism-related contexts. However, experts differ in their assessments of the extent of this shift: alongside interpretations of language as a decorative “spectacle,” they identify niches in which the languages remain in active use and new forms of symbolic use capable of sustaining ethnic identity even among those with limited language proficiency.

The study identifies a central paradox in the contemporary language situation: increasingly emphatic public rhetoric about the need to preserve native languages is not accompanied by renewed demand for their use in everyday life. This gap is sustained by a combination of urbanization, the absence of economic incentives for using these languages, the limited capacity of schools, and the institutional consequences of the shift to voluntary native-language study. Although individual digital, educational, and cultural initiatives demonstrate the capacity to create new domains of language use, their local scope and often project-based nature have so far prevented them from changing the overall trajectory of language shift. The article concludes that the prospects for Kabardian and Balkar should be analyzed not only in terms of preservation or disappearance but also through the study of postvernacular practices, family language policy strategies, and the behavior of “new speakers.” The small expert sample calls for further research involving young parents, young people, and other groups directly shaping the everyday linguistic environment.

Keywords: sociolinguistics, minority languages, Kabardian language, Balkar language, language commodification, postvernacularity, language shift

References

1. Mochalov A. N. Legislation on the Languages of the Peoples of the Russian Federation: The State and Directions of Improvement (Federal Aspect). *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023: 6: 19–34 (in Russ.). DOI: 10.34076/2410_2709_2023_6_19; EDN: CYDPVU.
2. Benor S. B. Ethnolinguistic Infusion: Community Language Socialization and Reclamation without Proficiency. *Language in Society*, 2026: 55: 3: 407–431. DOI: 10.1017/S0047404525101851.
3. Freeland J. Linguistic Revitalization: Social Stakes and New Research Directions. An Afterword. *Langage et société*, 2013: 145: 3: 81–100. DOI: 10.3917/e.ls.145.0081.
4. Grutman R. Post-Vernacular Self-Translation: Bringing Languages Back from the Brink. *Lezioni di Traduzione*, 2025: 4: 19–38. Accessed 01.07.2026. URL: <https://amsacta.unibo.it/id/eprint/8690/1/Grutman%20LdT%204.pdf>. DOI: 10.6092/unibo/amsacta/8690.
5. Heller M. Language, Skill and Authenticity in the Globalized New Economy. Noves SL.: *Revista de sociolingüística*, 2005: 2. Accessed 01.07.2026. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2049785>.
6. Heller M. The Commodification of Language. *Annual Review of Anthropology*, 2010: 39: 101–114. DOI: 10.1146/annurev.anthro.012809.104951.

7. Liu A., Rui S., Deng Z. Small Tourism Entrepreneurs, Heritage Authenticity and Tourism Gentrification: A Critical Engagement with More-than-representational Theory. *Journal of Heritage Tourism*, 2026: March: 1–16. DOI: 10.1080/1743873X.2026.2625838.
8. Lonardi S. Minority Languages and Tourism: A Literature Review. *Journal of Heritage Tourism*, 2022: 17: 3: 342–356. DOI: 10.1080/1743873X.2021.2012183.
9. Schram F. Moin, Schietwedder, and Freely Phrased Sentences: The Commodified Use of Low German on Instagram. *Language Internet*, 2023: 21: 79–101. DOI: 10.14434/li.v21.37374.
10. Shandler J. Postvernacular Yiddish: Language as a Performance Art. *The Drama Review*, 2004: 48: 1: 19–43. DOI: 10.1162/105420404772990655.
11. Zhang A., Xie J. Creation of a Pseudo-language as Spectacle: A Critical Study on the Linguistic Landscape of Heritage Tourism. *Annals of Tourism Research*, 2025: 115. DOI: 10.1016/j.annals.2025.104019.

The article was submitted on: July 3, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aues M. Kumykov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Branch Director

Asker A. Tumov, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow

Приложение. Список экспертов

Эксперт № 1 – доктор филологических наук, профессор, исследователь, языковой активист.

Эксперт № 2 – писатель, языковой активист.

Эксперт № 3 – кандидат исторических наук, доцент, исследователь.

Эксперт № 4 – кандидат филологических наук, доцент, исследователь, языковой активист.

Эксперт № 5 – кандидат филологических наук, доцент, исследователь, языковой активист.

Эксперт № 6 – доктор филологических наук, профессор, исследователь, языковой активист.

Эксперт № 7 – работник культуры, языковой активист.